

сборник

рассказов

Сергей Кулаков

Скрытые манускрипты

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Кулаков С. А.

Скрытые манускрипты / С. А. Кулаков — «ЛитРес: Самиздат»,
2011

Сборник рассказов. Либо герой рассказа, либо событие, которое описывает рассказ, реально существовали... Действие рассказов происходит в древности, в средние века, в XVII веке, в XIX веке, в первой половине XX века, в наше время. Место действия рассказов: древняя Иудея, Персия, древняя Испания, древняя Япония, Англия, Франция, Индия, Ирландия, Исландия, Германия...

© Кулаков С. А., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Предатели и злодеи.	5
О маге, чародее и волхве Симоне из Самарии, и лживом учении его.	5
Индийские фансигары, или загадочная секта убийц.	12
Вражда господина Ода Нобунаги с «воинами ночи» из Ига.	18
Государь убийц.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Предатели и злодеи.

О маге, чародее и волхве Симоне из Самарии, и лживом учении его.

В Ватикане хранится рукопись неизвестного автора, в которой подробно описана нечестивая жизнь, волшебные проделки и мерзкое учение самарянина Симона: мага, чародея и искусного во всякой лжи. Впрочем, помимо этой рукописи, жизнь и дела сего чародея не безызвестны. Некоторые свидетельства Симона-мага о себе самом, сохранились в записи языческого автора Цельса¹:

«Я есмь Бог (или Сын Бога, или Дух Божий). И я пришел. Мир уже разрушается.

И вы, о люди, существуете, чтобы погибнуть из-за вашего беззакония. Но я хочу спасти вас.

И вы видите меня вновь вернувшегося с силой небесной. Блажен тот, кто поклоняется мне сейчас!

Но я предаю вечному огню всех остальных, и города, и страны. И люди, которые не успели оплатить свои долги, будут тщетно раскаиваться и терзаться. Я уберегу тех, кто уверовал в меня...»

Свидетельства, высказанные о маге Симоне многими христианскими писателями и Отцами Церкви, обличают его как «злого, облекшегося в сияние света»², «исполненного всякого коварства и всякого злодейства, сына дьявола и врага всякой правды»³. Иоанн Дамаскин писал: «[он] учил постыдному и скверному смешению, и неразличению тел. Отвергал воскресение и утверждал, будто мир не от Бога. Свое изображение в виде Зевса, и спутницы своей Елены, в образе Афины, передал ученикам своим для поклонения. Называл себя для самарян – Отцом, а для иудеев – Христом». Св. Ириней Лионский сообщает: Симон был человеком смелого, дерзкого ума, весьма честолюбивым, и обольстивший множество народа.

По многим свидетельствам, сей чародей и сильный волхв, мог делаться невидимым и снова являться перед изумленным зрением очевидцев; мог бросаться с высоты, поддерживаемый на воздухе невидимыми силами, летать сколько сам пожелает; мог чудесно освобождаться из темничных уз, заставлял бездушных истуканов двигаться; мог проходить сквозь огонь, изменять лицо до неузнаваемости, даже до козлиной морды; мог вызывать из земли уже цветущие деревья, а на отрочах заставлял расти бороду; также – вызывать духов, в виде огненных изображений, предсказывать будущее через череп, говорящий на страшном языке, и этим поражал невежественные толпы.

Отцы Церкви: св. Иустин-мученик, св. Ипполит Римский, Тертуллиан, св. Ириней Лионский, св. Климент Александрийский, св. Епифаний Саламский, блаженный Иероним – нимало не сомневались: даже большие чудеса совершал чародейством Симон (за эти волшебные деяния, по повелению кесаря Клавдия, в Риме установили ему статую с надписью: «Симону, святому богу»), но совершал чудеса те силою не Божией, а бесовской, и был он избранным сосудом дьявольским, и отцом всех церковных ересей.

По свидетельствам, которые приводят различные авторы, вплоть до надменных и богохульных слов самарянского волшебника-гордеца о себе самом, несомненно видно: он был

¹ – не того, против которого выступал Ориген, а иного;

² – апостол Петр (из Климентин);

³ – Деяния Апостолов г.13: 10;

хорошо знаком с религией иудеев и с учением Христовым, но и провозглашал нечто новое, соблазняя и увлекая за собой [в пучину тьмы] простодушных, обманами совращая их с прямых путей Господних.

Честолюбие, любление почестей, безмерная гордыня – тянули его взобраться выше распятого Христа, и объявить себя Богом-Троицей. Мол, в Иудее [по самосвидетельству] появился он в призрачном теле Сына Божия, чтобы пострадать от евреев, хоть и не страдал на самом деле; в Самарии явился он, Отцом и Создателем всего, а у других народов действует [он] как Дух Святой. Так явилось миру евангелие от Симона, чародея и волхва.

К слову сказать, учение это было вовсе не так просто и смешотворно, как могло показаться на первый взгляд. Хорошо сказал св. Иринеи Лионский об учениях еретических [и Симона-мага в том числе]: «их учение, которого ни пророки не возвещали, ни Господь не проповедовал, ни апостолы не предали, и которым они хвалятся, будто знают обо всем больше других, ибо вычитали из неписанных книг; и взявшись, по пословице, из песку вить веревки, пытаются к своим положениям приладить с видом вероятности Господни притчи, или пророческие изречения, или апостольские слова, чтобы вымысел их не казался не имеющим никакого свидетельства; и при этом оставляют порядок и связь Писаний, и, сколько можно, разрывают члены истины. Но, переставляя и переиначивая, и из одного дела другое, они успевают обольстить многих призраком нескладно связанных слов Господних».⁴

Волхв Симон был не так прост, как могло показаться несведущему. Приобрел он знания, вместе с приемами волшебства, в Александрии, где узнал о начатках учения, которое впоследствии дополнил и, вернувшись в Самарию, выдал соотечественникам за Божественное откровение. Ему, в учении том, отводилось играть роль воплотившегося Бога, и он сделал это, пользуясь настроениями времени [ожиданием Мессии] и склонностями людей, которые благоприветствовали тонким расчетам лжеца. «Несчастный народ позволял надувать себя обманщикам, которые лгали именем Божиим, и в то же время презирал и не верил явным знамениям» – прозрачно намекал Иосиф Флавий.

В чем состояло учение самарянина Симона.

Если бы чародей и маг Симон, провозглашая учение своё, объявил о совершившемся воплощении христианской Троицы в своем лице и остановился на том, обман раскрылся бы довольно скоро. Однако, этот высокочудствующий, внушая многим, что сумел постичь Знание, которое выше Бога иудеев и христиан, был искусен во лжи. Разглагольствованиями и сказками относительно своей «триединой» сущности, он лишь прикрывал настоящее, сатанинское учение, точно больной проказой прикрывает всего себя от пят до макушки головы, скрывая под чистыми покровами чудовищные язвы гниющей плоти. «Они пользуются именем Христа словно приманком, но разным образом вводят нечестие Симона, и через то губят многих, коварно распространяя свое учение под прикрытием доброго имени, и подавая под сладостью и красотой имени, горький и злой яд змия, первого виновника отпадения».⁵ Так в чем же заключалось нечестие Симона-волхва, и в чем был смысл его учения?

«Существует одна Сила, разделенная на верхнюю и нижнюю, порождающая себя, растящая себя, находящая себя, являющаяся своей собственной матерью, своим отцом... своей дочерью, своим сыном... Он есть Единый, всеобщий Разум, корень Всего, Тот, Кто стоит, стоял и будет стоять: Он стоит над несотворенной Силой»⁶. Из этого Высшего Существа истекают попарно, обладая мужским и женским началом, божественные силы – эоны, каковых шесть и они составляют мир первый, духовный. Это: Рассудок и Чувство, Слово и Имя, Всеобщий

⁴ – св.Иринеи Лионский “Против ересей” Кн.1; гл. VIII

⁵ – св.Иринеи Лионский “Против ересей” Кн.1; гл. XXVII;

⁶ – св.Ипполит Римский «Философумена».

Разум, управляющий всем и мужественный, и великая Мысль, которая порождает все и женственна.

Из этих эонов истекают 6 новых, которые образуют мир второй, служащий как бы отражением первого, но уже не столь совершенный. Из эонов второго мира исходят ещё 6 эонов (или ангелов), которые населяют мир третий; эоны-ангелы, создают, в свою очередь, мир четвертый – видимый и материальный, который является последним отражением Высшего, духовного мира. Все отражения Высшего мира неизбежно влекут за собой его искажение, и уже ангелы третьего мира становятся творениями злыми, завидующими высшим эонам, и задумывают они недоброе. Для создания видимого мира, злые ангелы призвали божественную Мысль сойти в мир материальный. Но, как только Мысль сошла в этот мир, ангелы задержали Её, не позволяя вернуться к Единому Отцу, ибо не желали они считать себя порождениями иного существа.

В течении многих времен Мысль вынуждена была странствовать по видимому миру, заключенная в человеческое тело, переходить из одного тела [женского, потому как Мысль – женского пола] в другое, пока не попала в блудилище в Тире, под видом проститутки Елены, откуда её выкупил чародей Симон, утверждавший, будто он – Всеобщий Разум и Отец, и от него была отторгнута божественная Мысль. Но он прошел через все миры и разыскал её, и выкупил из развратного дома, в котором она пребывала, показывая глубину падения божества, вовлеченного в творение, а ещё была она [Елена] той заблудшей овцой, о которой возвестил в притче Христос...

Симон именовал себя Спасителем, и потому учил: он принял образ человека, для освобождения божественной Мысли из уз материи, а людей – от злого владычества ангелов, сотворивших наш мир. И от того, что они [лжец Симон со шлюхой Еленой] осуществили на земле таинственный брак, в высшем, духовном мире, соединились разлученные Ум и Мысль. Св. Иринея так передает выдумки Симона-волхва в своем известном труде: «Он пришел Сам, чтобы опять взять её к себе и разрешить от уз, а людям доставить спасение через познание Его. Ангелы худо управляли миром... но Он пришел для исправления вещей и сошел, преобразившись..., явиться среди человеков человеком, хотя Он и был не человек; и показался пострадавшим в Иудее, хотя Он и не страдал. Пророки же предсказывали, вдохновленные ангелами, устроителями мира; поэтому на них более не обращали внимания те, которые веруют в Него и Его Елену, но делают что хотят, потому как люди спасаются Его благодатью, а не делами праведными. Дела праведны не по природе, а случайно, ибо ангелы, создавшие мир видимый, установили это, и посредством таких заповедей поработили людей. Он обещал, что мир сей разрушится, но Его последователи уже освободились от власти сотворивших мир. Поэтому мистические жрецы этой секты живут сладострастно и занимаются делами волхвования, употребляя заклинания и заговоры. Любят прибегать к средствам, возбуждающим любовь и влечение к духам домашним и наводящим сон, и другим забавным проделкам. Имеют также изображения Симона в виде Юпитера, и Елены – в виде Минервы, и молятся им».⁷

С такой чудной мешаниной, пропитанной надутым пустословием, выступил Симон из Самарии и последователи его числом до тридцати человек. И обилием разных цифр смущали и обольщали они множество неучёного народа, доказывая цифрами этими, выдираемыми из Писания и притч Христовых, будто выдуманные ими басни небезосновательны.

Апостолы, последователи Иисусовы, скоро обнаружили опасность учения Симонова, и

с усердием разоблачали его нечестивую сущность, увещая человеков удаляться от этих «безводных облаков, носимых ветром; осенних деревьев бесплодных, дважды умерших, исторгнутых; свирепых морских волн, пенящихся срамотами своими; звезд блуждающих, которым блюдет мрак тьмы на веки... ропотников ничем не довольных, поступающим по своим

⁷ – св.Иринея Лионский "Против ересей" Кн.1; гл. XXIII;

похотям (нечестиво и незаконно); уста их произносят надутые слова; они оказывают лице-приятие для корысти».⁸ «Осутились они в умствованиях своих, и омрачилось немысленное их сердце, и, называя себя мудрыми, обезумели, и славу нетленного Бога изменили в образ подобный тленному человеку»⁹.

Кроме словесных увещаний и благовествования, смело обличали апостолы все волшебные проделки Симона, как дьявольские и бесовские; противопоставляли им чудеса Божии, великие, изумлявшие народные толпы, заставлявшие трепетать и бояться чудес этих даже сего нечестивого волхва, а остальным человекам отворяя глаза и пути сердца к спасению через Христа.

Жизнь и дела самарянина Симона, мага и волхва.

После великих и удивительных событий, случившихся в Кесари, граде Самарийском, и описанных в Деяниях Апостолов: когда Симон волхвованиями изумлял народ и чародействами прельщал многих, выдавая себя за силу Божию, но Филипп-апостол благовествовал там о Христе Иисусе и обратил неверующих. Даже крестил он и Симона, но не от сердца тот крестился, а по лукавству и хитрости. Пришедшие вослед апостолы Петр с Иоанном, возложили на прозелитов руки и свели на них Духа Святаго. Тогда, видя это, Симон хотел за деньги купить у апостолов дар сведения Духа [потому как не было веры в нем, а лишь корысть и гордыня], но был обличен ими.

Так вот, после этих запечатлённых событий, к апостолу Петру пришли двое: Никита и Акила – товарищи детства и ученики Симона – чтобы крестившись, принять веру Христову. С ужасом рассказали они Петру тайну, которую открыл им учитель.

Никита и Акила [по слову их] давно выпрашивали у Симона: какую силой творит он чудеса. После случившегося в Кесари, когда народ отвернулся от Симона и многие отошли от него, наконец, он признался, что убил ребенка и душою этого ребенка творит он чудеса и волшебства. Удивленные товарищи спросили тогда Симона: разве такое возможно, ведь, по его же утверждению, душа исчезает тотчас после смерти? В один миг изменился, побледнел чародей, но, тут же собрался, и надменно отвечал: «Думаете, я человек, подобный вам? Нет, я – сила вечная, безначальная, сын Божий, нисшедший в утробу моей матери, прежде чем она имела супружеское общение с Антонием; вас избрал я в друзья себе, чтобы испытать и ввести в небесные обители, если окажетесь достойными. Силой своей я в состоянии превращать воздух в воду, а воду – в плоть и кровь; могу снова вызвать к жизни и убитого мной ребенка». После этих горделивых слов, оба ученика и товарища Симона оставили его, пришли к Петру-апостолу, и тот узнал от них кто такой Симон-маг и откуда он взялся.

Родился Симон в самарийской деревушке Гиттон, близ Сихема. Родителями его были Антоний и Рахиль. В юности он изучал греческий язык, упражнялся в словопрениях; для изучения магии предпринял путешествие в Александрию. Там познакомился с Апионом грамматиком¹⁰. Апион провозглашал свободную любовь без брака, познакомил Симона со Стезихоровой выдумкой¹¹, дополнив её тем, что Елена была не земной женщиной, но богиней луны, и учил Симона магическим заговорам, сводящим богиню эту на землю.

Тут же, в Александрии, познакомился Симон и с учением Филона, возводившим зыбкий мостик над пропастью между иудейским учением и языческой философией. Ещё – волхвования, всякой магии и волшебству обучался Симон из Гиттона. В то время, в Александрии, объявилось множество людей под обличем магов, чародеев и заклинателей, которые ласкатель-

⁸ – апостол Иуда 1: 12,13,16;

⁹ – апостол Павел к Римлянам 1: 21 – 23;

¹⁰ – против него выступил Иосиф Флавий своей книгой «Против Апиона»;

¹¹ – лирик Стезихор в древности выдумал такую сказку: будто Парис увез в Трою не Елену, но призрак её и царь Менелай, после взятия Трои, повез призрак этот домой, где тот вновь пропал, ибо настоящая Елена находилась в Египте, перенесенная туда Зевсом. Там Менелай и забрал её позднее.

ством, красноречием и волшебными ухищрениями обольщали сердца простодушных, увлекая их за собой, и слыли за что-то необыкновенное. В гуще этого брожения, вследствие знакомств, интересов и занятий, образовалось и сложилось учение Симона; с ним он возвращается в Самарию, где скоро примыкает к основателю саддукейской секты среди самарян и становится учеником его. Вместе с остальными последователями Досифея, он отвергал бытие добрых и злых ангелов, грядущий Суд Божий, хулил Бога отрицанием воскресения мертвых. Войдя в число учеников Досифеевых, Симон довольно скоро, с помощью волшебства, сместил учителя и занял его место¹².

Именно в качестве учителя этой секты, Симон попадает под стражей в Рим, для получения наказания за свои проделки, волнующие умы простодушных людей¹³, но хитрец сей, магией и волшебством очаровал там всех [даже судей своих] до такой степени, что его не только освободили, но и воздвигли памятник.

Тешась могуществом и гордыней, Симон возвратился в Кесарию, где рассказал ученикам о чудесах, совершенных им в Риме, и ещё более стал обольщать народ волшебством, магией и волхвованием, выдавая себя за силу великую, безначальную, Божию. Здесь судьба и сталкивается Симона-волхва с апостолами Иоанном и Петром. Разоблачённый учениками Христовыми, Симон обрядился в овечью шкуру, оставаясь по сути своей волком, «вкравшимся, нечестивым, издревле предназначенным к осуждению».¹⁴

Осужденный апостолами, и покаявшись на словах, Симон не помышлял каяться в сердце и бросить мерзкие дела свои. Многие из учеников оставили его и, крестившись, исповедовали веру Христову. А Симон, с немногими оставшимися, вышел из Кесарии и отправился прочь, влекомый гордыней, тщеславием и люблением почестей. Быть может, он считал, что благодаря своему волшебству и магии в силах околдовать любого, или разглагольствуя и долго внедряя в умы многих, что он Бог – сам уже верил в эти безумные речи? Кто знает, только бросать занятие свое – обольщать и губить людей – Симон не собирался, а вот действия его стали более изощренными.

Объявившись в городе Пафе, на Кипре, он выдал себя за последователя Христа под именем Бар-Иисус¹⁵. Очаровав многих волхвованием, скоро обосновался рядом с проконсулом Сергием Павлом, ибо от обманутого им народа сподручнее было ему подниматься к высотам власти, а не напротив, в подражание Христу, преисполнившись знанием спускаться к невежественному люду. Получив от окружения проконсула и прочих людей прозвище Элима¹⁶, лжец этот удивлял всех волшебной своей силой. Скоро, как видно из «Деяний Апостолов», Дух Святой привёл сюда же, в Паф, Варнаву и Павла, для обращения проконсула в христианство, но Симон (он же и Элима, и Бар-Иисус) всячески противился им, не забывая о том, что вынужден был оставить Кесарию, после проповеди Петра и Иоанна.

¹² – *Говорят, Симон стал наипетывать другим ученикам, будто Досифей не учит их истине, потому как далёк от неё, а даёт малое, от того, что большего не знает. Прознав об этом, учитель поднял палку, с намерением проучить строптивого ученика, но тот не медля сделался призраком и палка прошла по воздуху. Изумленный Досифей пал ниц перед чародеем и сделался его учеником. Такого позора честолюбивый Досифей не мог снести и, позже, удалился в пещеру, где уморил себя голодом, пытаясь казаться мудрецом.*

¹³ – *"Вышел между самарянами фокусник, который увлек за собою народ; он просил показать ему пещеру на горе, где Моисей закопал книгу закона. Положено было в определенный день выкопать и объявить народу эту книгу, чтобы под предводительством пророка или мессии, предсказанного Моисеем, он[народ] начал новую жизнь. У деревни Тирифана собрались народные массы, когда правитель страны, Пилат, живо помнивший печальную судьбу мнимого иудейского царя в Иерусалиме (т.е. Спасителя), со всех сторон окружил гору войсками. Буитовицики против власти кесаря были строго наказаны; многие легли на месте, многие рассеялись, а самые жаркие приверженцы бунта заплатились жизнью, были казнены" – писал о событиях тех Иосиф Флавий.*

¹⁴ – *апостол Иуда 1:4;*

¹⁵ – *что значит [ни много, ни мало] – "сын Иисуса";*

¹⁶ – *что значит – "маг" и "колдун";*

Пламенеющий верой Павел, исполнившись тогда Духа Святого, обличает волхва, называя его коварным злодеем, врагом правды и сыном диавола, и глаголет к нему не как к неизвестному до сих пор, но как к известному: «перестанешь ли ты совращать с прямых путей Господних?»¹⁷ Павел, в отличие от Петра, не останавливается на разговорах, пускай и гневных, но призывает на обольстителя-колдуна руку Господнего мщения и поражает чародея слепотой «до времени».

Ослепнув, Симон пришел в ужас, ибо кара Божия была на нём. Даже изгнание не так удручает его... Однако, прозрев, он вновь принимается за прежние свои проделки, только отныне всячески избегает встреч с апостолами Христовыми, которые оказались вовсе не смиренными агнцами. Потому и говорит Писание [и не только о чародее Симоне]: «погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну, и обращу мудрость мира сего в безумие».¹⁸

Увязнув в гордыне, не желая избавляться от безумной идеи [будто он – Бог и Создатель всего], бежал Симон также из Антиохи, Лаодикии, Коринфа, Ефеса – отовсюду, где лгал и чародействовал, едва только слышал о приближении апостолов.

Но не за ним спешили посланники Христовы! Ведомые Духом Святым, без устали распространяли они повсюду благоухание познания, умножая в короткие сроки число верных, боящихся Бога избранных Его, и провозглашая спасение Благой Вестью. Симон-маг путался в ногах у них, нисколько не в силах помешать Промыслу Божьему в труде апостольском. Он не понимал этого и тужился – перед немногими оставшимися учениками – представить себя значительной, не познанной никем силой, стоящей выше Бога христиан. Похоже, сам он в это не верил, но продолжал играть роль с отчаянным упорством и упрямством мула. Однако, трудно идти против рожна!

Последний раз Симону-магу суждено было встретиться с апостолом Петром в Риме. Владычествовал тогда император Нерон, который благоприятствовал волхвам и чародеям, и сам вызывал мертвых с помощью магии; супруга его также была расположена ко всяким волшебникам и, говорят, даже прислуживала на их тайнствах. При таких властителях Симон вполне мог рассчитывать на успех, ведь слуги почти всегда безропотно поддерживают многие склонности хозяев своих.

Симон стал во всеуслышанье, во многих людных местах кричать, что в такой-то день он вознесется в небеса, ибо грехи людей переполнили землю, и он не может более терпеть этого зла. Так поступал он вплоть до назначенного им дня. Многолюдная толпа пришла поглазеть на чудо. Были там император Нерон с женой и вельможами; пришли многие христиане с апостолом Петром.

Самарянский чародей ступил вниз с высокого здания, и... начал летать, поддерживаемый в воздухе невидимой силой. По толпе прошел ропот, отовсюду слышались крики ужаса и восхищения. Петр начал молиться, упрашивая Господа не дать этому обманщику обольстить толпу, и громко запретил бесам именем Иисуса помогать чародею. Христово имя разогнало лукавых бесов. Симон-маг, оставшись без дьявольской поддержки, свалился с высоты на землю и сильно покалечился, раздробив себе ноги. Увидев обман, раздосадованный народ освистал волхва. Немногие ученики поспешили унести разбитого, окровавленного учителя подальше из города. Скоро все разошлись, насмехаясь над чародеем и проклиная обманщика, а христиане – благодарили Бога.

Симон самарянин, униженный, покалеченный, ещё долгое время жил в окрестностях Рима, в простой лачуге. Стоять и ходить он уже не мог: ни волшебные снадобья, ни притирания лечебным маслом, ни таинственные заклинания не возымели действия. Бог не хотел ему помогать, а напуганные бесы – не смели. Ученики бросили его – остались только двое. Они

¹⁷ – «Деяния Апостолов» 13:10;

¹⁸ – 1-е послание апостола Павла к Коринфянам 1:19,20;

понимали теперь, что он не Бог, которым нарекал себя, а простой человек; им было жалко искалеченного Симона. Целыми днями сидел он под деревом, росшим поблизости от жилья, и рассказывал прежние истории, которым никто уже не верил: Бог, который не мог спасти даже себя, никому не был нужен. Тогда, упорствуя в гордыне, Симон решил прибегнуть к тому, чем занимался всю жизнь свою – надувательству. Он потребовал от учеников, чтобы те положили его в яму и закопали, а когда откопают через три дня – найдут учителя своего воскресшим и живым, как христиане нашли Христа.

Ученики вяло отговаривали. Симон упорствовал и принудил их сделать по-своему. Св. Ипполит Римский так описывает это событие: «... приказал своим ученикам вырыть могилу и засыпать его землей. Они так и поступили, однако он пребывает в могиле до сих пор, поскольку не Христос». Куда подевалась его Елена не известно!

Индийские фансигары, или загадочная секта убийц.

В 1816 году колониальные английские войска, расположенные в Мадрасе, захватили нескольких местных жителей по подозрению в убийстве и ограблении путешественников и паломников. Доктор Роберт Шервуд, следивший за состоянием здоровья находившихся под следствием, склонил некоторых разбойников к разговору об их верованиях. Его статья «Об убийцах, называемых фансигарами» появилась в журнале «Азиатские Исследования» в 1820 году, вызвав некоторое волнение.

Тревожит воображение и заставляет останавливаться в жилах кровь, история о пропаже супруги полковника W. в 1825 г., сразу после прибытия её к берегам Индии. К месту службы полковника, в отдаленном штате, англичане не успели ещё проложить железную дорогу, и леди К. пришлось добираться в обыкновенной повозке, в сопровождении пяти офицеров кавалерии Её Величества. Сопровождал их местный проводник. Путь пролегал по довольно дикой местности. Добираться до гарнизона предстояло несколько дней.

Когда женщина и сопровождавшие её офицеры не прибыли в расположение гарнизона в назначенный день, полковник W. выслал навстречу вооруженный отряд. Командир отряда впоследствии рассказывал, что они обнаружили посреди леса пустую повозку и английскую саблю. Внимательно осмотрев окрестности, обнаружили неподалеку небольшой холмик свежерыкопанной земли, под которой покоилась ужасная находка: шесть обнаженных трупов. Женщина была среди них. Тела проводника не обнаружили, из чего сделали вывод о его соучастии в этом злодеянии. Все несчастные были задушены. Одежду убитых, багаж супруги полковника, оружие и лошадей злодеи забрали с собой.

Получив трагические известия, полковник W., терзаемый горем и желанием восстановить справедливость, поступил следующим образом: он захватил в плен князька окрестных земель. Вельможу никто не притеснял, ему оказывали соответствующие почести, но из гарнизона никуда не отпускали. Полковник объявил радже: он получит свободу после того, как выдаст убийц. Индийский князь, едва узнав, что жертвы задушены, а одежда их пропала, сразу указал: это – дело рук тугов, служителей богини Кали. Некоторые скептики усматривают ряд несоответствий, присутствующих в этой истории. Но, даже если убрать смущающие их детали, разве само убийство покажется менее ужасным?

Итак, вполне можно провести знак равенства между фансигарами, описанными д-ром Р. Шервудом и тугами, о которых упоминал плененный индийский князь. Как выяснилось впоследствии, так оно и было: речь шла о древней секте убийц-душителей («*rhançi*» значит «петля»), или их ещё называли убийцами-обманщиками («*thug*» значит «мошенник»). Ведь, словно актеры играли они разные роли, прикидываясь то паломниками, то купцами, то путешествующими торговцами, то несправедливо обиженными или же – попавшими в бедствие, завлекая выбранную жертву в условленное место, где её поджидал исполнитель.

Д-р Шервуд утверждал: душители совершали убийства, побуждаемые чувством религиозного долга, их целью было именно убийство, а не сопутствующее ограбление. Впрочем, многое в поведении, иерархии, психологическом портрете этих фансигаров, оставалось для д-ра Шервуда туманным, загадочным и неясным. Однако, на фоне полного неведения европейцев о таинственных индийских фансигарах, сведения, которые удалось раздобыть д-ру Шервуду, буквально потрясли воображение жителей просвещенной Европы.

Вскоре открылось, что Роберт Шервуд не был первооткрывателем в этой области. За два столетия до него французский путешественник Тевено, жаловался в письмах: «все дороги от Дели до Агры кишат промышленными убийством...» Особо отмечал француз зловецкий трюк, к которому часто прибегали эти обманщики. Они отправляли пригожих молодых женщин,

чтобы те горько плакали и причитали у дорог, вызывая жалость у проезжающих, после чего печальные красавицы завлекали путников в ловушку, где их безжалостно душили с помощью ритуального платка-румала (желтой шелковой ленты, к которой с одного конца привязывалась серебряная монета достоинством в рупию). Но и француз не был первым, кто узнал о душителях-фансигарах. Первые свидетельства были найдены в записках китайского путешественника VII века Сюань Цзаня. Из этого становится понятным: обсуждение данной, щепетильной темы долго находилось под запретом.

Всё это выяснилось позже, а поначалу душители действовали настолько таинственно, что завоеватели Британской Индии ни о чем не догадывались. Неопределенные подозрения появились в начале XIX века. Затем была статья д-ра Шервуда, заставившая колонизаторов встрепетаться и внимательно осмотреться. Тогда некоторые проникательные англичане, волею службы вынужденные соприкоснуться с местным населением, начали понимать: фансигары не были плодом воображения впечатлительного доктора Шервуда, но – ужасающей реальностью. Масштабы деяний этих злодеев (о которых слышали прежде лишь редкие европейцы), открывались с каждым годом, потрясая умы и вселяя тревогу.

Дороги стали представлять серьезную опасность для купцов, путешественников, паломников, служащих Ост-Индской компании, христианских миссионеров, простых людей. Нельзя было чувствовать себя в безопасности, отправляясь в путь, ни одинокому путнику, ни нескольким путешественникам, ни большим группам паломников. Злодеяния душителей-фансигаров стали настолько масштабными, что колониальные власти были вынуждены приступить к карательным операциям. Но, разве можно воевать с врагом, которого ты не знаешь, не видишь, не можешь различить, и который даже не собирается воевать с тобой? Эти операции напоминали стрельбу из пушек по воробьям; по крайней мере, эффективность их можно было сравнить с подобными акциями. Фансигары неприметно жили в деревнях, выполняя свои общественные и гражданские обязанности, не вызывая никаких нареканий, но, едва наступали осенние месяцы – обыкновенно сразу после сезона дождей – они выходили на дороги, безжалостно убивая путешественников, и особенно заботясь о том, чтобы совершить убийство подальше от своего дома, дабы не навлечь подозрений. Душителю никогда не оставляли в живых свидетелей, поэтому уничтожали даже собак, обезьян и других животных, принадлежавших жертве.

Поначалу британцы пытались заручиться помощью местного населения, но никто, даже под угрозой применения пытки, не соглашался помочь. Скоро выяснилось: люди до ужаса боялись душителей, а молчанием надеялись отвести от себя месть со стороны жестоких убийц. Успеха добился армейский офицер Уильям Слимен, установивший наблюдение у храмов зловещей индийской богине Кали. Результатом стали аресты мужчин, которые периодически приносили в храмы одежду и ценные вещи. В большинстве случаев это были зрелые, уважаемые в общине люди. В их домах произвели обыски. Помимо прочих вещей, в тайниках обнаружили европейскую одежду (которую индусы не соглашались носить), фрагменты военной формы и амуниции английских военнослужащих, иногда желтый шелковый платок, а также серебряную мотыгу и небольшую скульптуру многорукой индийской богини, с высунутым до подбородка языком, и ожерельем из человеческих голов на груди...

Уильям Генри Слимен имел чин капитана Британской армии. Он служил в Индии с 1809 года. Когда «Азиатские Исследования» опубликовали статью д-ра Шервуда, мало сказать, что она поразила Уильяма Слимена – он был восхищен ею, и, не медля, начал исследовать деятельность разбойников-душителю по месту своей службы – на землях Нербудда. Год за годом изучая преступную деятельность фансигаров, он не получил никакого одобрения от начальства, а равно и поддержки со стороны сослуживцев. Да и местные князьки всячески пытались мешать его работе, по причине, которую У. Слимен установил позже. Но капитан Слимен не опустил рук, не отчаялся, не прекратил своей деятельности, в которой выступал более в роли энтузиаста, чем человека, усилия которого необходимы и востребованы. Этим героическим

усилиям, с которыми восемь лет он сражался почти один на один с фансигарами, не суждено было пропасть. Помимо многочисленных рапортов и донесений начальству, с подробным описанием деятельности банд душителей, а также с предлагаемыми им методами и способами противостоять убийцам, капитан У. Слимен опубликовал несколько статей, посвященных фансигарам (или тугам), в которых предпринял смелые попытки проникнуть вглубь сознания и психологии жестоких душегубов. Открытия, сделанные им, вызвали сенсацию. Капитан Слимен выяснил: туги были не мелкой религиозной сектой, а повсеместной, чудовищной организацией, которая лишала жизни тысяч людей ежегодно. Уильям Слимен был первым из европейцев, кто обнаружил религиозную природу страшной деятельности фансигаров: убийства были для них ничем иным, как жертвоприношениями, совершавшимися в честь темной богини Кали. Многие высокопоставленные индусы в этой преступной деятельности выступали заказчиками убийств, покровителями банд, скупщиками имущества жертв, да и среди исполнителей находилось немало состоятельных людей, занимающих ответственные должности. Из-за глубокой религиозности, члены секты, как правило, были людьми честными, доброжелательными, надежными, и находящимися вне всяких подозрений.

Так, один старик, служа в британской семье наставником ребенка, заботился о своем подопечном с большой нежностью. Он был очень покладистым, спокойным, тихим. Лишь раз в году, в определенный месяц, просил разрешения уехать, чтобы навестить больную мать. Когда люди капитана Слимена арестовали старика-индуса, родители мальчика с ужасом узнали, что под их кровом жил самый настоящий убийца, задушивший не один десяток людей...

Успехи Уильяма Слимена, обеспечили признание его экспертом в данном вопросе. В 1830 году генерал-губернатор Индии, лорд Уильям Кавендиш-Бентинк, назначил капитана У. Слимена ответственным за искоренение душителей, выделив ему 17 ассистентов и до 100 сотрудников. Это было признанием заслуг талантливого энтузиаста, но, было это и признанием чрезвычайной опасности, которую, наконец, разглядела в деятельности фансигаров, британская колониальная администрация. Воодушевленный назначением, капитан Слимен с удвоенной энергией принялся за дело.

Открывшиеся темные глубины преступного ремесла тугов-фансигаров, невероятные масштабы их деятельности, поразили сначала группу капитана Слимена, затем – воображение английских колонизаторов, а впоследствии – остальных европейцев, которые не могли даже помыслить, что ритуальная бойня может иметь такие повсеместные и ужасающие масштабы.

В 1836 г. в Калькутте издали книгу, в которой была предпринята попытка систематизировать данные, собранные капитаном Слименом о деятельности индийских фансигаров за 15 лет. В книгу вошли словарь, грамматика тугов, также были детально описаны разработанный порядок действий и распределение ролей, действующие в отряде душителей, ибо, к тому времени стало совершенно очевидно: адепты зловещей богини, действуют не мелкими группами, а довольно большими отрядами хорошо подготовленных и организованных убийц.

Всё начиналось с выбора жертвы. Она была не случайна. Приказы шли от махараджи, от князей или других влиятельных лиц. Иногда информация о жертве приходила к руководителю отряда убийц во сне или во время употребления священного сахара «причастия» (гура), напрямую от темной матери (разумеется, речь шла о кровожадной богине Кали).

Если «заказчик» или «темная мать» молчали, подготовка проходила по стандартному сценарию: разбив лагерь возле городка или деревни, расположенных у крупной дороги – направляли разведчиков бродить по улицам и посещать лавки. Они завязывали знакомство с группами паломников или путешественников, и под предлогами подстерегающих опасностей, предлагали продолжить путь вместе. Если бедняги соглашались, ничто не могло спасти их от гибели.

Во время смертельной охоты соблюдалось множество правил и запретов. Отсрочить, (но не предотвратить!) задуманное убийство могло лишь суеверие тугов, избобличающее в них

неумный фанатизм. Перед выходом непременно совершалась молитва. Если перед храмом видели корову, во множестве слоняющихся по улицам индийских деревень и городов, или если убийцам встречалась похоронная процессия, задуманное откладывалось. Потерянный тюрбан мог привести к неприятностям. Встреча с шакалом предвещала кандалы и тюрьму. Перед походом бросали в воздух топор: в какую сторону, при падении, указывало топориче, туда и отправлялись убийцы. Животное, перебегающее с левой стороны на правую, сулило беду. Запрещалось душить прокаженных, косых, хромых, да и, вообще, физически ущербных, а также прачек и представителей некоторых каст, которым оказывала покровительство богиня Кали. Женщин не убивали в том только случае, если они путешествовали в одиночку, без мужчины, что, конечно же, было редкостью. Убийство детей допускалось в равной степени с взрослыми, без всяких оговорок.

Лучшими днями для фансигаров считались среда или четверг, но – ни в коем случае – не пятница. Услышать крик осла – означало удачу. К началу расправы над людьми, которые доверчиво принимали убийц за таких же паломников или путешественников, служил условный знак главаря отряда. Это мог быть крик совы – священной птицы богини Кали, или молитвенный взгляд, обращенный к небесам, вместе с простой фразой, сказанной зачастую самым обычным голосом, например: «посмотри, какие красивые на небе звезды!»

После условного сигнала, остальные отвлекали жертву, а исполнитель заходил за спину и ловким броском румала обвивал шею несчастного. Если тот начинал сопротивляться, фансигары удерживали руки и ноги жертвы, предоставляя исполнителю беспрепятственно довести работу до конца. В церемонию жертвоприношения входили похороны: удушенного обшаривали, раздевали, делали на теле несколько глубоких порезов (чтобы Кали было удобнее пить кровь), после этого тело закапывали. В Индии покойников принято сжигать, стало быть, именно преданные земле тела, предназначались ужасной богине.

Фансигаров нельзя считать разбойниками в том смысле, как мы обыкновенно понимаем. Они убивали людей не ради добычи. Свои жертвы, в соответствии с тщательно разработанным ритуалом, они посвящали страшной богине, а от добычи не отказывались и собирали её для подношения в храмы, посвященные Кали. Служитель Кали не имел права оставлять себе ничего из имущества жертвы, за исключением серебряных вещей и украшений. Уличенный в сокрытии, разделял участь жертвы. Большую часть награбленного продавали ростовщикам. Вырученные деньги главари отрядов убийц вносили на строительство храмов зловещей богине, делились с князьями областей, и, разумеется, присваивали – очень прибыльное дело, при минимальных затратах и серьезной политической поддержке!

Членство в секте было тайным. Даже близкие туга не знали, чем он занимается. При посвящении новичку вручалась ритуальная мотыга «зуб Кали» (для погребения тел). В завершении посвящения он вкушал священную пищу – специальным образом вываренный, на опумном маке, конопле и других наркотических травах, сахар. Служителем темной богини мог стать как индус, так и мусульманин. Некоторые мусульмане вели родословные от знаменитых ассасинов, перебравшихся в Индию после разгрома их ордена, и нашедших в тайной секте душителей, столь близкие для себя идеи тотальных убийств и террора.

Фансигары почитали темную богиню, но более почитали они свой заступ, который считался «священнее Корана и вод Ганга». Туг не мог нарушить свою клятву, не поплатившись за это жизнью, причем в самое короткое время. Если член секты признавался в причастности к фансигарам, он также подлежал удушению, причем собственным румалем, который потом сжигали. Иногда попавшиеся душители давали ложные показания против людей, считая, что, таким образом, продолжают жертвоприношения, потому как казнили фансигаров через повешенье.

Работа, проводимая капитаном Слименом и его подразделением, продвигалась очень медленно. Всевозможные препоны, с которыми им приходилось сталкиваться, недвусмыс-

ленно указывали, насколько все общество в индийской колонии было поражено этой болезнью. К 1827 году арестовали всего лишь 300 душителей. К концу 1832 года, еще 389, из которых, по приговору суда, были казнены 126 человек, а остальные – приговорены к пожизненному заключению. В общей сложности капитану Слимену удалось добиться осуждения более 3000 фансигаров. Большинство осужденных встречали смерть с удивительной храбростью, но, сколько их оставалось на свободе! А ведь каждый из них, за свою зловещую «карьеру», удушал около 200 человек; стало быть, общее количество убитых фансигарами, должно поражать воображение. Впрочем, реальные цифры вряд ли когда-либо будут известны.

В 1876 году Индию посетил будущий английский король Эдуард VII. К этому времени преступления душителей пошли на убыль. В тюрьме Лахора, принц Уэльский беседовал с фансигаром. Заключенный без всякого волнения рассказал, что его жертвами стали 150 человек. Преступник, повешенный в Лакхнау в 1825 году, признался в удушении шестисот человек. Но всех превзошел некий Бихрам, который собственноручно задушил более 900 человек! за 50 лет своей ужасной «работы». Этот злодей и в старости выделялся ростом, телосложением и остатками когда-то могучей силы...

В рапортах, донесениях или публикациях, капитан Уильям Слимен подчеркивал, что эти чудовища в человеческом облике, имели, словно демоны из их религиозной мифологии, непреодолимое и ужасное влечение к убийству. Для подавляющего большинства фансигаров, потребность выслеживать, заманивать в ловушки, а затем душировать людей, стала неистребимой привычкой, увлекательной и желанной игрой. В конце концов, капитан Слимен пришел к выводу, что для фансигаров убийство было творческим актом, который так жутко извратило их сознание зараженное религиозным фанатизмом. Этот ужасающий творческий акт воспринимался ими, как особая привилегия, и приносил он злодеям глубокое удовлетворение.

Некий священник Чарльз Броди, пытался убедить одного осужденного на смерть, за свои ужасные преступления, одуматься, принести покаяние и примириться с Господом и душами убитых им людей. Но, пожилой фансигар искренне удивился словам священника. Он уверял отца Броди, что никогда не преследовал никакой выгоды, а лишь исполнял божественную миссию, получая повеления на убийства от самой богини Кали. Поэтому никакого покаяния не требуется, ибо ему уже уготовано место на небесах, куда он готов был отправиться немедленно. Еще, этот религиозный фанатик, поведал священнику впечатляющий миф о происхождении своего «ремесла». Вот он:

«Когда армия Зла, возглавляемая демоном Рактабиджей, вышла из-под земли, она стала уничтожать все живые существа на своем пути. Тогда Святые и Пророки обратились за помощью к Шиве, но бог, погруженный в медитацию, не услышал их. За них вступилась богиня Парвати, жена Шивы. Из нее выплеснулась ярость в виде богини Кали (известной ещё под именем Бхавани). Богиня имела четыре руки и темный, ужасающий облик: длинный, красный язык алчно облизывал губы в предвкушении крови демонов.

Кали разрубала и разрывала демонов сотнями, но только она отсекала голову их предводителю Рактабидже, из упавших капель его крови, вновь возникали демоны. Во время боя богиня Кали обтирала пот и кровь, стекающие с лица, головной повязкой – румалем. Из капель пота богини появилось два человека. Им Кали передала румаль, приказав задушить демона, не проливая крови. Остальным врагам богиня мгновенно отрубила головы, слизав длинным своим языком всю кровь. Воинам, которые помогли ей, после сражения она отдала в награду румаль, повелев убивать и людей путем удушения (для поклонения в ее честь). Так появились туги или фансигары. Черная мать Кали наделила их силой, коварством, ловкостью. Она рассказала, как делать священный сахар, съедая который они будут знать, кто должен стать жертвой. Она научила их священным мантрам, произнося которые, верные ей служители укрепляют свой дух и веру, и именно они, фансигары, сдерживают силы Зла».

Отец Броди выслушал этот рассказ со всем вниманием. Когда душитель закончил – после некоторого раздумья – так ответил ему: «Убивший демона не покорностью к Господу, не исполнением Его требований к чадам Своим, не готовностью к жертвенности (подобно Христу), сам занимает место убитого им демона...»

Последний осужденный фансигар был повешен в пенджабской тюрьме в 1882 году. Однако, вряд ли столь обширное и древнее общество убийц могло исчезнуть окончательно...

Один из плененных фансигаров рассказывал: «Любой человек, однажды попробовавший священный сахар, последует за богиней Кали, даже если он знает все ремесла, даже если он владеет всеми богатствами мира».

Вражда господина Ода Нобунаги с «воинами ночи» из Ига.

Нет, неспроста начинается повествование о взаимной ненависти Сабуро Нобунага из рода Ода и синоби¹⁹ из Ига²⁰, с того, что является концом этой истории. В деяниях и смерти Исикавы Гоэмона, поступают причины желания знаменитого воина и князя Оды, уничтожить тайную организацию, целью которой была секретная деятельность и изощренные убийства высокопоставленных политиков, князей, военачальников, для тех, кто готов был заплатить (и немалые деньги!) профессиональным убийцам, одно имя которых вызывало ужас и трепет.

Исикава Гоэмон.

Этот знаменитый разбойник, был лучшим учеником, и – как утверждают некоторые исследователи и знатоки истории «воинов ночи» – сыном, знаменитого «генерала» синоби провинции Ига, Момоти Тамба. Подвиги и жизнь Исикавы Гоэмона описаны в сказаниях, легендах, театральных представлениях, и, конечно же, красочно переданы в народных сплетнях и слухах. Реальная биография его известна плохо. По преданиям, Гоэмон помогал богачам освобождаться от сокровищ, раздавая награбленное тем, кто попал в беду, простолюдинам, нищим...

В искусстве быть невидимым уступал он только лишь Сарутоби Сасукэ – синоби из Кога²¹. Народная легенда достаточно подробно повествует об их соревновании, правда рассказ сей походит скорее на сказку:

«...сблизившись, Гоэмон, используя магию, принял облик мыши, но и тот не оплошал, обратившись в кота! Разбойник выпустил сноп огня; ловкий ниндзя ответил фонтаном воды, погасив пламя. Тогда Исикава Гоэмон превратился в огненный шар и устремился в небо, но Сасукэ, приняв облик Прыгучей обезьяны, ударил его боевым веером прямо в переносицу, после чего Гоэмон признал поражение и стал названным братом своего противника».

В то время, когда Исикава Гоэмон служил в Ига под началом Момоти Тамба, ему не раз поручали сложные и ответственные задания, таившие в себе невероятные опасности. Например, Гоэмон, по заданию Момоти, предпринял две попытки устранения главы клана Ода князя Сабуро Нобунаге, злейшего врага тайных организаций из Ига и Кога, но обе они не увенчались успехом. Во время одного из этих покушений, хитроумный синоби пробрался в помещение, расположенное прямо над спальней Нобунаги; через отверстие в полу, он свесил тонкую нить над лицом спящего князя, и, капля за каплей, стал спускать по нити смертельный яд, направляя его прямо в рот спящего врага. Только чудо, или – как считают некоторые – чуткость сна, спасла князя от смерти. Он проснулся, заметил опасность, но схватить «воина ночи», страже не удалось.

Не смогли поймать его и специально обученные воины, задача которых была отыскивать и доставлять князю Нобунаге покушавшихся на него синоби, и вовсе не потому, что ищейки эти никуда не годились. Напротив, деятельность их была очень эффективной: несколько «невидимых воинов», направленных для устранения Сабуро Нобунаги, скончались под жуткими пытками; кто-то из них был схвачен до попытки убийства, а кого-то доставляли жестокому князю после неудачных покушений, даже через несколько лет – срок не играл значения. Но, Исикаву Гоэмона ищейкам схватить не удавалось, а значит: нужно было ожидать новых покушений. Да и плохой это пример не наказывать виновного – другой будет думать, что ему, так же, может сойти с рук...

¹⁹ – разведчик-диверсант и наёмный убийца в средневековой Японии.

²⁰ – горная провинция средневековой Японии, управлялась главами кланов синоби.

²¹ – уезд в средневековой Японии, который контролировала коалиция кланов синоби. Так называемые «53 семьи Кога».

Выжил Гоэмон и в карательной операции, осуществленной войсками Ода Нобунаги в 1581 году против кланов синоби Ига, когда население провинции было почти полностью уничтожено; деревни и посевы – истреблены; дымились сожженные замки и монастыри. Тогда исчез, будто его не существовало, и сам Момоти Тамба. Гоэмон бежал в монастырь Нэгородзи. В монашеских манускриптах сохранилась легенда, которая утверждает: Исикава Гоэмон взобрался на самую высокую пагоду в монастыре, прыгнул вниз, а затем пошел, как ни в чем не бывало...

Что не удавалось сделать «невидимым воинам», выполнил один из генералов Оды Нобунаги, захватив того врасплох, и свирепый князь распорол себе живот, чтобы не попасть в плен. Исикава Гоэмон подался в разбойники. Слава о нем распространилась по всей Японии. Пускай кланы «невидимых убийц» были рассеяны, но обстоятельство это не делало их ремесло менее востребованным, а для специалистов высочайшего класса, работа находилась всегда. В 1593 году преемник погибшего князя Нобунаге Тоётоми Хидэёси повздорил со своим племянником Хидэцугу. Этот Хидэцугу решил отомстить дяде, который вознамерился отнять у него титул верховного советника в пользу своего новорожденного ребенка, и нанял для этой цели Исикаву Гоэмона, но тот не выполнил задачи. Тогда Хидэёси пустил по следу своих ищек: то ли Гоэмон стал терять навыки, то ли ищейки стали работать много лучше – в конце концов, знаменитый «воин ночи» был схвачен. После следствия, племянника Хидэёси, нанявшего убийцу, принудили совершить ритуальное самоубийство, а Исикаву Гоэмона живьем сварили в котле с кипящей водой, вместе с единственным сыном, чтобы прервать династию знаменитого синоби. Эта страшная казнь надолго сохранилась в людской памяти, свидетельством страха и лютой ненависти властителей Японии перед таинственными «воинами ночи».

Ода Нобунага.

Кицубоси Нобунага был третьим ребенком в семье, но первым, рожденным от законной жены, потому и стал законным наследником рода Ода. Достигнув тринадцати лет, он прошел церемонию совершеннолетия и принял взрослое имя Ода Сабуро Кадзусаносукэ Нобунага. Ещё через два года – женился на дочери князя соседней провинции Мино. После заключения союза между двумя княжествами, тесть Нобунаги Сайто Досан, по прозвищу «гадюка» – как говорят предания – с горечью предрек гибель своего рода от рук молодого зятя. Но к этому вернемся чуть позже.

В юности Нобунага вел себя очень странно, даже шокирующее для приверженцев старинного уклада самураев, который был тщательно и подробно расписан: якшался с португальскими торговцами, показавшими ему огнестрельное оружие; миссионерами-иезуитами, которые расшатали устои его языческой религии, но не убедили в своей; играл с крестьянами в военные игры – все это было до того непривычно, что даже родственники считали его «большим дураком из Овари». На похоронах отца, Сабуро Нобунага совершил нелицеприятный поступок. В результате этого инцидента, многие старейшины стали поддерживать младшего брата Нобунаги – Нобуюки, выдвигая его на роль главы рода.

Тогда, Сабуро Нобунага, которому едва исполнилось 18 лет, методично и жестоко начал устранять конкурентов, претендующих на власть. Он не останавливался перед убийством родственников, и даже умертвил собственного брата Нобуюки. Нобунага заманил его в свой замок, и, обвинив в измене и связи с врагами рода, приказал убить. Биографы отмечают крайнюю жестокость, с которой Ода Нобунага пробивался к власти. Зачастую, он лично отрубал у провинившегося голову, но и к сподвижникам своим относился весьма бесцеремонно. На установление деспотичной власти в своей провинции, у Оды Нобунаги ушло 7 лет.

После этого Нобунага приступил к захвату соседских владений, действуя в прежнем духе, не брезгуя ничем для достижения цели. Он выдал младшую сестру за Адзай Нагамасу – князя провинции Оми, с которым заключил союз. Однако, по прошествии времени, Нагамасу предал его, и выступил против Нобунаги. Тогда глава клана Ода вынудил жену Нагамасу (и свою

сестру), чтобы та шпионила за собственным мужем. Когда войска Нобунаги взяли крепость, где скрывался Адзай Нагамасу, тот вынужден был совершить ритуальное самоубийство, но жестокосердный Нобунага не ограничился этим, приказав умертвить его единственного сына – наследника и собственного племянника. Из черепа Нагамасу, Ода Нобунага приказал сделать обложенную золотом чашу.

Говорят, и своего тестя, князя провинции Мино, Нобунага умертвил, используя дезинформацию, которую «по большому секрету» доверял своей супруге – дочери несчастного князя, но, похоже, всё это сплетни и слухи, которые распустили враги Нобунаги, ибо никакого документального подтверждения таким домыслам не существует. На самом деле князь земель Мино рассорился с собственным сыном и погиб от его руки, правда, перед смертью успев передать в руки Оды Нобунаги, завещание на право владения всеми землями своей провинции. Разумеется, разгорелась война. Лишь через 10 лет, когда все препятствующие были устранены, Ода Нобунага смог стать хозяином провинции Мино.

Время, конечно, было жестоким, но Ода Нобунага жестокостью превзошёл всех. Его настоящей целью была единоличная власть над всей Японией, и Нобунага, шаг за шагом, продвигался к ней, не гнушаясь ни подлогом, ни предательством, ни подкупками, ни лживыми обещаниями, ни убийствами, от которых кровь стыла в жилах. Чтобы достичь этой власти, ему требовалось расшатать старые самурайские традиции, которыми он стал пренебрегать ещё в юности. Постепенно, влияние Оды Нобунаги распространялось на новые провинции и территории. Все, кто был слабее, попадали под его власть. «Империей правит сила» – такое изречение, выбитое на печати Нобунаги, стало девизом его жизни.

Для претворения своих планов князь Ода не гнушался использовать иностранцев: португальских торговцев и иезуитских миссионеров. От торговцев он получал скидки на приобретение огнестрельного оружия, и налог от их торговли в его владениях. Иезуитские миссионеры должны были помочь ему в борьбе с влиянием буддийских монастырей, и Нобунага стал покровительствовать христианству, разрешив открыть церковь в Киото. Так нередко бывало и прежде: Господь использовал отъявленных злодеев, для достижения Своих целей. Разумеется, это ещё больше обозлило языческих монахов и противников Нобунаги, особенно после того, как он принялся разрушать буддийские монастыри, вырезая в них и монахов, и крестьян, с присущей ему жестокостью. За уничтожение древнейшего храма Энряку-дзи, Нобунагу прозвали «Демоном-повелителем Шестого Неба»²². Кажется, такое ужасное прозвище появилось не на пустом месте; ведь Нобунаге были свойственны: горделивость, высокомерие и вспыльчивость, доходящая до гнева. Некий иезуит Фруа, имевший беседу с Одой Нобунаге, так описывает его:

«Этот король из провинции Овари, которому исполнилось лет 37, носил редкую бороду, был строен, тонок и страшно воинственен, уделяя чрезвычайно много времени боевым упражнениям, при этом, будучи склонным к деяниям на благо справедливости и милосердия. Он был чувствителен к славословиям, сдержан по поводу своих планов, слыл знатоком военной стратегии, и никогда не желал слушать советы от своих подданных. Его все уважали и поклонялись. Он не пил вина и редко предлагал его другим, был грубоват в манерах, презирал японских королей и принцев, говорил с ними через плечо тихим голосом, словно они были его слугами. Его считали абсолютным властителем, который всё прекрасно понимает и всё может хорошо рассудить. Он презирал языческие пережитки, но и открыто отрицал существование Создателя Вселенной, бессмертие души, жизнь после смерти. Он был шепетилен и осторожен во всех своих делах, и страшно не любил любые задержки или длинные речи. Даже принц не мог предстать перед ним с мечом, но, зачастую, он мог свободно общаться с самым низшим и беднейшим из своих слуг. Отец его был простым правителем в Овари, но, благодаря своей

²² – в буддизме хозяин шестого неба является одним из воплощений зла.

огромной энергии, Нобунага захватил контроль над семнадцатью или восемнадцатью провинциями...»

Нобунага был превосходным полководцем. Он с юности любил военные игры, правда, теперь никто не потешался над ним, особенно после разгрома войска Имагавы Ёсимото, в 5 раз превосходившего силы князя Оды. Излюбленные военные хитрости Нобунаги были таковы: использование знамен и гербов врага, неожиданные атаки под покровом ночи, либо – во время ливней с ураганными ветрами или иной непогоды, во время которой, казалось бы, никто не станет вести сражение. Использовал он и шпионов: агенты должны были подслушивать разговоры, выведывать на пирах и попойках всякие тайны. Для выполнения секретных поручений Ода, нанимал «воинов ночи», специалистов, владеющих секретами мастерства тайных убийств. Он умел так хорошо выбирать исполнителей, что некоторые историки считают: именно он ввел моду на убийства могущественных князей. Печальная участь постигла Такэду Сингэна, которого поразил в кромешной ночи, при осаде замка Нода, таинственный стрелок из аркебузы. При загадочных обстоятельствах, в собственной уборной, посреди замка наполненного стражей, умер Уэсуга Кэнсин. Эта смерть наделала много шума, породив немало невероятных слухов и домыслов, которые незачем повторять, ибо загадку смерти Кэнсина, через несколько столетий все же удалось решить: таинственные синоби оказались тут не при чем – скорее всего, князь умер от внезапного инсульта.

Наемники Нобунаги прославились исполнением самых невероятных убийств, но сам он испытывал лютую ненависть к «воинам ночи» из провинций Ига и Кога; и было из-за чего! На службе у правителя отряд синоби был вполне предсказуем, но предоставленные сами себе, великолепно подготовленные и обученные убийцы и диверсанты, представляли грозную силу. Любой, обладавший влиянием и финансовыми средствами мог нанять «воинов ночи», не опасаясь, что имя его может быть предано огласке. К тому же между Одой Нобунаге и синоби из Ига возникла пропасть религиозной вражды, которую проложил сам князь. Как уже упоминалось, Нобунага считал: для власти над Японией, ему необходимо сокрушить власть могущественных монастырей, которые обладали влиянием не меньшим, чем правитель-сёгун. Проводя эту политику, Ода Нобунаги к тому времени сжег знаменитый монастырь Энряку-дзи, уничтожил мятежную лигу монахов Икко-икки²³, разрушив ее главный центр монастырь Исияма Хонган-дзи, и покровительствовал христианам, начавшим активно проповедовать свою веру. Разумеется, вероломство и жестокость этих мер, вызвали не страх, а гнев у синоби Ига и Кога, которые поддерживали дружбу с крупнейшими буддийскими храмами, и «горными воинами». Ответом руководителей кланов синоби стала настоящая охота на ненавистного злодея Нобунаге. Покушения следовали одно за другим. Но, благодаря надежной охране, личному мужеству и удаче, он никаким образом не пострадал.

В 1570 году синоби из Кога Сугитани Дзэндзюбо пытался убить князя Ода из удлиненной аркебузы, но, по непонятной причине, выстрел не причинил ему особого вреда. Только через 4 года ищейкам Нобунаги удалось схватить стрелка, скрывавшегося в горах. Участь его была незавидна: изоощренные пытки продолжались 6 дней без перерыва, пока Дзэндзюбо не умер. В 1573 г. Манабэ Рокуро пытался заколоть Нобунагу в постели, но стража помешала ему выполнить план мести. Рокуро понял: выбраться не удастся, и лишил себя жизни. Его труп выставили на площади, для устрашения. Однако, попытки устранить ненавистного князя не прекращались, но ни одно из них не завершилось успехом. Ода Нобунага прекрасно понимал: количество, рано или поздно, перейдет в качество. Убивая синоби-неудачников, он не устранял причину. Нужно было истребить «рассадник» тайных убийц, испепелить кланы Ига.

²³ –монахи-воины в средневековой Японии, последователи буддийской секты Дзёдо-синсю. Известны, как организаторы серии мощных восстаний.

В области Ига не было правителя, власть здесь принадлежала кланам синоби. Провинция занимала выгодное стратегическое положение – через нее проходила важная дорога Токайдо; присоединить горный край к своим землям, желали властители соседних провинций. В их числе был могущественный властитель земель Исэ – Китабатакэ Томонори. Он начал строительство замка на горе Симоками, намереваясь сделать его опорным пунктом в будущем наступлении на Ига, но глядя далеко в будущее, правитель не видел творившегося у него под носом.

Для того, чтобы разобраться в сложившейся ситуации требуется вернуться ко времени военного конфликта, который развязал Ода Нобунага (с кем только из соседей он не воевал!). Нобунага был выдающимся военачальником, но князя Исэ ему не удалось превозмочь. Между ними был заключен договор, и в подтверждение добрых намерений, Ода Нобунага передал своего двенадцатилетнего сына Нобуо в усыновление недавнему противнику. Тономори думал, что берет себе заложника (по сути дела, сын Нобунаги и был таковым, хоть и в золотой клетке), на деле же вышло – он получил своего убийцу. Китабатакэ Томонори был мастером меча – чтобы его погубить, наняли тайных убийц. Слуги и стража обманутого князя были подкуплены, меч Тономори затупили – мастерство его стало бесполезным. У несчастного не было ни одного шанса...

Члены семьи умерщвленного Тономори, во главе с младшим братом князя (ради мести он оставил священство), собрали силы, чтобы восстановить справедливость, но были разбиты генералом Оды Нобунаги, которого тот передал в помощь сыну; кто остался в живых – бежали в Ига. Новоиспеченный правитель, принявший имя главы клана Китабатакэ, поскорее хотел доказать отцу: он может самостоятельно принимать решения и вести важные дела. Был отдан приказ срочно достроить замок Маруяма на границе с Ига. В этом была его ошибка: спешность и размах строительства лучше всяких лазутчиков и шпионов показали старейшинам кланов Ига, что готовится вторжение. Они решили, пока строительство не доведено до конца, разрушить крепость врага. Операцией руководил «генерал» синоби знаменитый ниндзя Момоти Тамба. Блестящий специалист по диверсиям и скрытой войне, он великолепно провел операцию. Замок сожгли, а гарнизон уничтожили. Ярости Китабатакэ Нобуо не было предела, и ослепленный ею, он допустил ещё одну непростительную ошибку: не сообщил отцу об уничтожении замка.

В тайне от всех Нобуо стал готовить возмездие. Провал одного предприятия ничему не научил юнца: он недооценил силу, военные навыки и подготовку отрядов синоби из Ига. Для него они были – всего лишь шайка наемных убийц.

Однако, то, что смогли укрыть от друзей и союзников, не удалось утаить от врага. Кланов Ига узнали: молодой правитель Исэ готовит вторжение. А если ты не можешь нанести внезапного удара, значит – враг нанесет его!

Поводом для вторжения послужила жалоба, поступившая к правителю Нобуо от видного самурая на «безобразия» творящиеся в Ига, и следующая, за перечислением этих бесчинств, нижайшая просьба искоренить злодеяния и наказать виновных. В сентябре 1579 года 9-ти тысячная армия Китабатакэ Нобуо с трех сторон вторглась в Ига. Небольшие отряды опытных воинов уже поджидали врага в засадах – для шпионов-синоби не составило труда определить направления вторжения. Горная местность, выбранная Момоти Тамба для нападения на врага, как нельзя более подходила для атаки именно небольшими силами, а все численное преимущество вторгшейся армии, растаяло в узких горных проходах. Разгром был впечатляющим: в живых осталось лишь половина солдат Нобуо, да и сам он едва не погиб. Узнав о позорном поражении, Ода Нобунага пришел в бешенство, он послал своему сыну-глупцу гневное письмо, в котором самым суровым образом отчитал его за поспешность и непростительное

легкомыслие. Недальновидный правитель Исэ смиренно принял все грубые упреки, и никогда более не проявлял самостоятельности ни в военных, ни в политических вопросах.

Однако, Нобунага ещё более исполнился желанием расправиться с ненавистными кланами синоби – он никогда не отказывался от своих планов и никому не прощал унижений. Только, в отличие от своего сына, Ода Нобунага умел ждать и выбирать время для воплощения своих тайных планов. Лишь покончив с уже начатыми делами; соединив свои армии, которые вынужден был бросить на борьбу с несколькими противниками; расправившись, с помощью императора, с монастырем Хоган-дзи, Ода Нобунага смог приступить к выполнению давно задуманного плана.

Наступать на Ига решено было с шести направлений, чтобы раздробить немногочисленное войско противника, загнать его в замки, разбросанные по всей провинции, не дать синоби ускользнуть в горы, в леса, откуда их невозможно достать. Кланов Ига располагали приблизительно 4 тысячами бойцов, и только около тысячи из них были профессиональные синоби²⁴. Войско Нобунаги насчитывало до 46 000 воинов, имевших опыт боевых действий. В его состав входили некоторые кланы синоби из Кога, которые, чтобы избежать гибели в бесперспективной войне с грозной армией, перешли на сторону Нобунаги, открыв его отрядам проходы в Ига по низким и удобным, для перехода крупных военных сил, перевалам.

В условленный день 27 сентября 1581 года армия господина Оды Нобунаги ворвалась в провинцию Ига с востока, севера и запада, по шести направлениям. Войска Нобунаги действовали, проявляя крайнюю жестокость: выжигали деревни, леса, уничтожали посевы, убивали, насиловали, наводили ужас на население; но они не трогали замки, и, словно по недосмотру, оставляли проходы к ним, давая возможность врагу укрыться. Немногочисленные отряды синоби сопротивлялись как могли, и преуспели в скрытной войне, не особо терпя ущерб от многочисленного врага, но численность и сила превозмогла умение: воины Ига были вынуждены отступить в замки и монастыри – крепости, куда их методично загоняли превосходящие войска врага. Армия Нобунаги, не выиграв ни одного сражения, потеряв гораздо больше солдат убитыми и ранеными, уже выиграла войну, претворив первую часть плана господина Нобунаги: лишить врага свободы передвижения. Второй частью немилосердного плана было убийство семей синоби, а чтобы не тратить время на разбирательство – уничтожали всех!

Первыми в огне сгорели укрепления на горе Хидзи-яма: укрепленный храм Каннон-дзи и множество мелких замков, расположенных в округе. Кто пал при штурме, кто взрезал себе живот, кто погиб, пытаясь спастись от огня, кто по собственной воле бросился в пламя – погибли все, пленных не брали. До середины ноября от укреплений остался лишь пепел да обугленные камни. Говорят, будто деревья в окрестных лесах ещё несколько месяцев были покрыты копотью.

Затем пришла очередь Касивабары – родового замка Момоти Тамбы. Он лично возглавил оборону. Благодаря опыту и изощренным уловкам легендарного синоби, замок продержался несколько недель. Момоти удалось совершить невозможное: он убил полководца, возглавлявшего осаду, но и это не спасло защитников замка – все погибли в огне. Тело Момоти Тамба не сумели опознать. Возникло множество слухов и историй о его чудесном спасении.

Ига полыхала огнем и истекала кровью. Семьи вырезались полностью, а для отчета составляли списки казненных, выполненные с особой тщательностью. Монастыри по всей провинции были разрушены. Тысячи людей были казнены; остатки бежали в горы Касуга-яма и рассеялись там; точное количество сгоревших, зарезанных и разоренных неизвестно.

²⁴ – по иным данным соотношение сил составляло: до 30 тысяч воинов в армии Нобунаги, и до 2000 бойцов у кланов Ига, из которых только 500 были синоби.

Ода Нобунага добился своего, но, все же, собрать плоды победы в полной мере, жестокий правитель так и не смог. Что не сделали убийцы, совершил предатель. 2 мая 1582 года солдаты генерала Акэти Мицухидэ, посланные Одой Нобунага на помощь своим войскам, атаковали и окружили храм Хонно-дзи, где находился Нобунага со своей свитой. По иронии судьбы, Ода Нобунага погиб во время штурма храма, охваченного огнем. Его тела не нашли.

Многие считают, причиной измены генерала: отвратительный нрав Нобунаги, который чувствовал себя превыше всех; грубо и жестоко обращался он не только с врагами, но и с ближайшими подчиненными. У генерала Акэти Мицухидэ он отобрал принадлежащую ему провинцию; не прислушиваясь к его просьбам, атаковал врага Акэти, держащего в заложниках мать генерала, из-за чего та и погибла, а на одном из пиров, чтобы унижить своего подданного, Нобунага отбивал веером ритм прямо по лысине Мицухидэ...

Находились, правда, некоторые, кто предполагал, будто генерал был подкуплен врагами Оды, только эта версия не представляется убедительной.

Последствия поражения синоби из Ига.

Казалось, разгром был полным. На землях Ига, обезображенных пожарщиками и трупами, которых некому было хоронить, распространился ужас разрушения, горя и смерти. Искусство «воинов ночи» не смогло превозмочь многократно превосходящую военную мощь, и уцелевшие синоби скрылись в горах. Одни из них, подобно, Исикаве Гоэмону сделались разбойниками, другие приняли облик крестьян, воплощая принцип «искусства нескольких жизней»²⁵.

Кажется, даже враги понимали: уничтожив множество крестьян, женщин, детей и монахов, они не особо досадили тем, против кого затевали этот поход. Когда, в скором времени, после опустошения земель Ига, Ода Нобунага решил лично осмотреть разрушенные замки, сожженные монастыри, поля недавних сражений, на него незамедлительно было совершено покушение, стоившее жизни многим из окружения Нобунаги: с трех сторон выстрелили из «больших ружей». Сам князь Ода не пострадал, но покоя ему не прибавилось и после кровавой победы над непокорной провинцией. А год спустя после резни (и уже после смерти самого Нобунаги), для охраны одного высокопоставленного лица, проезжавшего через земли Ига, за несколько часов смогли собрать около 200 синоби!

«Воины ночи» были обучены выживать, скрываясь от преследования в крайне жестких условиях, но неразбериха войны, скорее помогла, чем помешала им, посему многие историки придерживались мнения: большая часть профессиональных диверсантов и искусных убийц рассеялась, распространив свое искусство по всей Японии.

Уместно припомнить все того же Момоти Тамба (которого называли ещё Момоти Сандаю). Исследователи выражают сомнение в его гибели при пожаре в Касивабаре. Да и все биографии этой замечательной личности буквально кишат неясностями, неточностями; они будто сшиты из преданий, легенд, слухов, и каждая опровергает предыдущую. Говорят, у него было несколько имен, несколько семей, несколько жизней... Его имя не числится в списках семейства Момоти (которое существует донине), его отца звали также: Момоти Сандаю. Многие легенды о его мастерстве (не станем упоминать их) фантастичны, а в одном труде, опубликованном в 1802 году, ставится под сомнение существование легендарной личности Момоти Тамба. Пожалуй, существовало немало причин, по которым знаменитый мастер «тайной войны» должен был исчезнуть навсегда, словно его никогда и не было. Но, удалось ли ему до конца реализовать этот, самый удивительный свой план? Ведь настоящий синоби не имеет запаха, не показывает лица, не произносит своего настоящего имени и заставляет всех гадать: а существовал ли он когда-либо...

²⁵ – смысл этой маскировки состоит в том, что «невидимый воин» должен иметь несколько жилищ в разных местах (и даже несколько семей), и уметь играть роль совершенно разных людей.

Государь убийц.

“когда, после смерти, я буду возрожден в Раю,

все мои жертвы станут моими рабами”.

После смерти Магомета²⁶, его преемником и первым Халифом избрали Абу Бакра. Многие мусульмане считали, что более подходил Али – двоюродный брат Пророка. Результатом интриг, стало расщепление мусульманского мира на суннитов и шиитов. Вскоре, каждое движение пришло к разногласиям внутри себя и начало дробиться на секты.

В жизни мусульманского общества значительную роль играли распри на религиозной почве – споры о вере, о соблюдении постов и обрядов, о наследии Магомета не стихали. То одно, то другое, то третье течение обвиняло остальных в ереси. Все чаще, между несогласными, дело доходило до насилия.

Сунниты – правоверные мусульмане, сторонники избранного Халифа – преследовали и безжалостно убивали последователей Али, известных как шииты. Страдания, расправы, убийства вызывали всплески религиозных восстаний; среди шиитов стали появляться странные секты, во главе которых оказывались святые люди, пришедшие из пустыни...

Мусульманская секта исмаилитов почитала Исмаила²⁷ своим имамом²⁸. Исмаилиты создали сильную организацию. Они были мистиками, интеллектуалами и... фанатиками. Проповедуя аскетизм, вместе с первозданной чистотой веры, исмаилиты чем-то напоминали порывы протестантов в христианстве, впрочем, те появились гораздо, гораздо позже. Стремления исмаилитов очистить веру, проникнуть в тайные знания, получили своих последователей. Основанный ими Фатимидский халифат, раскинулся по Северной Африке до Палестины, Сирии, Ливана и Йемена. Мекка и Медина также попали в него. В сферу влияния халифата вошла Сицилия; правда, в остальном исламском мире, исмаилитов считали отступниками, еретиками и преследовали, едва представлялся удобный случай.

Удивительные слухи о могущественном Старце и его преданных слугах.

С конца XIIв. в европейских летописях, хрониках и повествованиях, появляются упоминания о страшных убийцах-хассасинах, обитающих в горных районах Востока, об их загадочном и

таинственном вожде, которого называют Старцем Горы. Бурхард Страсбургский, посланник Фридриха Барбароссы, Жак де Витри, епископ Акры, германский историк Арнольд Любекский, и, конечно, известный венецианский путешественник Марко Поло, бывали в тех краях и записали истории о могущественном Старце, засевшем в неприступном горном замке, нагнавшем ужаса на всю округу, и даже намного дальше... Боялись и заискивали перед ним мусульманские и христианские вельможи и государи, а страх их основан был на том, что по приказу Старца, его подданные умертвили немало сильных мира сего. Упомянутые авторы, расходясь в незначительных деталях, повествуют об одном:

«Сей Старец сплотил вокруг себя преданных людей. Они почитают его за пророка и святого человека. Любая прихоть Старца немедля исполняется. Мало, кто может ослушаться его воли, ибо наказание за это очень сурово. Приближенные Старца – из числа своих подданных

²⁶ – в 632 году от Р.Х.

²⁷ – был седьмым имамом, поэтому исмаилитов ещё называли седьмичниками.

²⁸ – в исламе шиитского толка – посредник между Аллахом и человеком.

– отбирают детей (предпочитая сирот, чтобы ничто не связывало их с родными), и с отроческих лет готовят из них беспощадных, умелых убийц. Чтобы избавить юношей этих от любых сомнений и пробудить в них желание умереть по слову Старца, их опаивают дурманом и, когда они пребывают без сознания, переносят в сад, созданный по подобию Рая, описанного Магометом. Течет там вода, молоко, вино и мед; растет множество прекрасных деревьев и цветов; в саду обитают прекрасные девы и в изобилии отменная пища. В саду не было никаких забот, и юноши предавались любовным утехам, праздности, удовольствиям... Кто захочет покидать подобное место?! Юношей вновь опаивали дурманом и переносили к их обычной жизни... Очнувшись, те очень тосковали по «раю», который удалось им вкушать при жизни, но Старец обещал: если погибнут они по его приказу – вновь перенесет их в это сладостное место, и уже навсегда оставит там. Разумеется, после таких лукавств, простодушные юноши почитали Старца [в душе] больше, чем самого Пророка, и всюду искали случай, чтобы по слову Старца отдать жизнь и вернуться в чудесный сад».

Некоторые повествователи указывали на то, что юноши готовы были спрыгнуть со стены в бездонную пропасть, поменять религию, отправиться хоть на край света и даже в Ад, лишь бы выполнить задание хитрого Старца, чтобы тот сдержал слово и вновь перенес их в сад, который забыть они уже не могли.

Анри Шампанский, принявший корону Иерусалимского королевства, в 1194 году посетил крепость Старца. Там Анри и люди из его окружения увидели, как по движению руки Старца, несколько его слуг добровольно бросились в пропасть. Все поняли: Старец демонстрирует дух своих воинов и, по-восточному изощренно, намекает: относиться к нему следует серьезно.

«Захочет Старец убить кого-либо, выберет из своих хассасинов и говорит: хочу послать тебя в Рай! Ступай туда-то и убей для меня того-то, а коли сам будешь убит, тотчас попадешь в Рай. Кого Старец решил убить, тому уже не спастись».²⁹

Загадочный Старец.

Вернемся к началу рассказа. К тому месту, когда, едва зародившись, ислам начал крошиться на множество ответвлений. Захлебываясь от собственной правоты, каждая, едва вылупившаяся из темного сознания своего творца, секта, пыталась (неприменно с пеной у рта) объявить себя истинной последовательницей Аллаха и пророка его Магомета. Среди хаоса религиозных споров, конфликтов, распрей и войн, в Персии появился молодой суннит по имени Хасан ибн Саббах. С юности он воспылал страстью к знаниям, но больше всего, от младых ногтей, хотелось Хасану проповедовать веру отцов. Однако, уже в медресе³⁰ города Рея, он примкнул к исмаилитам, правда, не без помощи одного из учителей, который сумел понемногу подточить со всех сторон, а затем и обрушить отцовскую веру Хасана, впрочем, религиозным фанатиком он не стал, ибо всегда искал кладезь сокровенных знаний и живую воду истины.

В Каире, столице халифата, Хасан ибн Саббах приобрёл необходимые знания, вместе с опытом проповедника. Здесь, в бурлящей столице, он ощутил, как неясное чувство наполнило его и давило на грудь изнутри, а смутные мысли волновали разум. Казалось, дух Пророка не давал покоя, и сам Аллах звал его отправиться в странствие, распространяя слово Всевышнего по близким и далеким землям...

Хасан ибн Саббах отправился на север в горные районы Персии. Там, в стане Дейлем, он проповедью обратил дикое племя, которое до тех пор не знало ислама. Эти темные горцы ненавидели тюрков-суннитов, поэтому учение исмаилитов легло на благодатную почву. Хасан

²⁹ – Марко Поло. *Книга о разнообразии мира. Книга Первая.*

³⁰ – *духовное учебное заведение.*

смог разглядеть их потенциал, а они увидели в нем вождя, которого приняли, как когда-то пустынные племена приняли Магомета. Возможно, именно тогда Хасану ибн Саббаху пришла в голову идея создать государство, где он должен стать халифом-имамом. Горная страна очень подходила для большого плана этого властолюбивого проповедника.

Число новообращенных быстро росло. Для Хасана стало очевидным: ему не хватает опорного пункта, цитадели и столицы будущей державы. Выбор вскоре пал на Аламут – крепость, выстроенную над обширной плодородной долиной, на утесе Эльбруса.

Если верить легенде, Хасан ибн Саббах предложил правителю замка три тысячи золотых за землю, которая уместится в бычьей шкуре. Хитрый проповедник бросил на землю мешок с золотом и шкуру. Удивленный такой расточительностью, правитель согласился. Тогда Хасан дал знак своим людям: они разрезали шкуру на тонкие полосы, связали их вместе и этой веревкой из бычьей шкуры опоясали крепость. Правителю ничего не оставалось, как убраться прочь. Красивая легенда! В действительности исмаилиты получили замок значительно менее экзотично, но никак не менее продуманно и изощренно.

Сначала, проповедники Хасана (его теперь интересовали больше вопросы земные: военные и политические, чем вопросы небесные) начали активно обращать жителей деревень, расположенных вокруг замка, и вскоре обратили в исмаилитство большинство жителей. Затем, все те же проповедники, появились в крепости и начали вербовать солдат из стражи. Владелец замка – правоверный мусульманин Алид – кажется, был человеком колеблющимся, непоследовательным и нерешительным. Он не знал, как ему поступить... Решился перейти в новую религию, затем – передумал, и выгнал вон проповедников-исмаилитов. Зачем он дал уговорить себя пустить их обратно? Разумеется, в один из последующих дней, крепость перестала принадлежать ему. Он стал чужаком, и ему указали на дверь, впрочем, обошлись довольно любезно. По словам летописца, перед тем, как затворить ворота перед несчастным Алидом, ему вручили мешок с тремя тысячами динаров.

Это произошло в 1090 году. Хасан ибн Саббах вошел в замок Аламут и, с тех пор, крайне редко покидал его. Он отменил налоги тюрок-суннитов; приказал жителям долины строить дороги, рыть каналы, возводить оборонительные сооружения; установил в замке и окрестностях, которые перешли под его управление – для всех без исключения – суровый образ жизни: питание было скудным, вино запрещено. Богатств Хасан не запрещал, но запретил, под страхом смерти, любое проявление роскоши, и тогда богатства потеряли смысл, стали безделицей, мишурой. К чему сокровища, если не можешь их использовать? Так, довольно мудро (не прибегая к открытым репрессиям) Хасан ибн Саббах избавился от крайне ненадежной прослойки – богачей, вся жизнь которых заключена лишь в приумножении и сохранности состояния, из-за которого они готовы на любые предательства и измены.

Хасан и сам строго соблюдал законы. Он жил подобно аскету. Это нравилось нищим горцам. Особенно вырос Хасан в их мнении, когда приказал убить своих сыновей: одного за то, что тот тайно употреблял вино, а второго, из-за подозрения в убийстве верного проповедника. Правда, вскоре обнаружилось: юноша виновен лишь в заносчивом нраве и невоздержанном языке, а убийство совершил другой... Но Хасан и тут смог извлечь для себя выгоду!

Темные, неграмотные горцы преклонялись перед решительностью и волей своего предводителя, считая, что только посланник Аллаха может обладать подобными качествами и таким духом. Хасан ибн Саббах не спешил их разубеждать. Этот хитрец, напротив, всячески поддерживал религиозное опьянение окружающих своей персоной. Один из знатоков древности, предложил ему определить: течет ли в его жилах кровь имама Али... Хасан ответил: Я – всего лишь свидетель Истины, но о мере своей близости к Ней, знаю куда лучше других. Знаток

древности понял намек, и скоро Хасана ибн Саббах стали называть «худджа»³¹. Это устраивало Хасана куда больше, чем признание его потомком имама, пусть и весьма значимого для исмаилитов: мало ли какие потомки Али могут еще отыскаться?

Вполне освоившись на землях Аламута, Хасан ибн Саббах, выслал своих проповедников в Кухистан. Там тюрки сильно притесняли исмаилитов... В результате народных выступлений, организованных религиозными миссионерами, тюрок изгнали из нескольких замков, по примеру Аламута. Хасан ибн Саббах установил с ними тесные связи. Военными методами решались религиозные цели. Хасан ибн Саббах начал постепенно приводить свой план в действие: деревня за деревней, замок за замком...

Власти поняли замысел Хасана. Он стал опасной фигурой: закончились тайные проповеди и смутные призывы, наступило время открытого противостояния. Первым, по приказу халифа, двинулся на Аламут правитель этой провинции – эмир Урун-Таш. Он выжег окрестные деревни, опустошил посевы, пойманных исмаилитов тут же казнили, но к горному замку правитель не смог подступиться. Не хватило ни сил, ни ресурсов. Халиф был разгневан неуспехом наскоро собранной экспедиции. Визир Абу Али аль-Хасан, давно понимал опасность исмаилитской секты, и требовал от военачальников, покончить с исмаилитами Аламута и Кухистана. Отряды выступили в поход.

В Аламутской крепости, которая не оправилась ещё от предыдущей военной кампании, гарнизон насчитывал не более 70 человек, когда отряд халифа вновь взял крепость в осаду. Три месяца осаждали Аламут, да только удача – или воля Аллаха – оказалась на стороне Хасана и его бойцов: одному воину удалось прорваться через окружение и тайно вернуться с подмогой. Ночью осаждавших атаковали подоспевшие союзники Хасана; совершил вылазку и отряд из крепости. Мало кто из воинов халифа выбрался живым...

Тем временем, проповедники-исмаилиты убили служителя мечети в городе Сахна, чтобы тот не смог выдать их местным властям. По приказу главного визира Абу Али аль-Хасана, более известного под титулом Низам аль-Мульк³², казнили главаря местных исмаилитов. Труп несчастного протащили по улицам и для устрашения вывесили на главной площади. Волна возмущения и ярости исмаилитов докатилась до Аламута. Хасан ибн Саббах, под неистовые крики последователей, поднялся на крышу своего дома. Оттуда, под вопль всеобщего удовлетворения, он исступленно выкрикнул: «Убийство этого шайтана предвосхитит райское блаженство!»

³¹ – *живое доказательство существования Аллаха.*

³² – *“Порядок Царства”*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.